

5-й Восточно-Сибирекій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Мгромъ 7-го сентября канонада началась очень рано и къ 12 ч. приняла грандіозные размѣры. Люди залегли въ своихъ окопахъ. Часа два продолжался этотъ адъ; выдержать или нѣтъ, думалось мнѣ глядя на правый флангъ Длинной, — надъ нимъ особенно бушевалъ шквалъ канонады. Наша артилерія не могла найти непріятельскихъ батарей и была безучастной свидѣтельницей истребленія нашихъ ротъ.

Но вотъ я вижу, что поверхность праваго фланга Длинной горы вдругъ покрылась сѣрымъ дымомъ и находившіеся тамъ люди опрометью бросились съ горы внизъ. Это японцы бросали ручныя гранаты изъ пироксилина и мелинита (въ первый разъ это страшное орудіе было пущено въ дѣло). Немедля посылаю донесеніе о случившемся. За людьми праваго фланга (это была 7 рота 28 полка) бросились внизъ люди съ батареи и японцы показались на вершинѣ. Черезъ нѣсколько минутъ слѣва у батареи изъ-за хребта горы появилась кучка нашихъ людей, открыла огонь по японцамъ и сбила ихъ съ вершины.

Но стрѣлявшая кучка не осталась на своемъ мѣстѣ, а также бросилась внизъ съ горы. Приѣхалъ полковникъ Ирманъ и успѣлъ быть только свидѣтелемъ совершеннаго очищенія позиціи. Все это

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1909 г. № 6.

произошло въ нѣсколько минутъ. Мы немедленно послали бывшихъ возлѣ насъ охотниковъ и офицеровъ къ отступающимъ съ приказаніемъ остановиться на Плоской и занять вырытые тамъ окопы, а я тотчасъ двинулъ туда же весь свой резервъ.

Артилерія наша видимо наблюдала за ходомъ обороны Длинной горы и, какъ только наши очистили гору, вершина ея была буквально засыпана нашими снарядами и японцы съ нея исчезли, какъ дымъ. Это обстоятельство помогло намъ спокойно занять Плоскую гору и ночью на ней окончательно укрѣпиться.

Считаю нелишнимъ рассказать о дѣйствіяхъ нашей 9-й роты въ послѣдніе часы обороны Длинной горы.

Шт.-ротм. Сиротко, придя къ 9-й ротѣ, нашелъ ее въ страшномъ положеніи; командовалъ ею въ это время заурядъ-прапорщикъ 27-го полка Аникинъ; окопы были разрушены и обстрѣливались во флангъ съ двухъ сторонъ ружейнымъ огнемъ и съ Угловой шрапнелью. Трупы павшихъ лежали кучами и загорали, сообщеніе вдоль окопа.

Правый флангъ окопа соединялся съ окопомъ 7-й роты 28-го полка, въ которомъ сидѣли японцы и продольно обстрѣливали окопъ 9 роты. Впереди окопа, внизу за скалами, ютились кучки японцевъ.

Желая узнать, какъ занять окопъ 28-го полка, шт.-ротм. Сиротко вызываетъ охотниковъ атаковать японцевъ въ окопахъ. Выходятъ 12 человекъ и бросаются на окопъ, но встрѣченные залпомъ сотни японцевъ, теряютъ 5 человекъ стрѣлковъ: Егорова, Боровыхъ, Бирюкова и Гуловскаго и еще одного неизвѣстнаго по фамиліи и возвращаются назадъ. Сообщивши о результатѣ рекогносцировки капитану Москвину, шт.-ротм. Сиротко отъ него получилъ отвѣтъ, что сейчасъ 7-я рота 28-го полка и рота моряковъ атакуютъ японцевъ и выбьютъ ихъ изъ окопа.

Около 8 ч. утра 7-го сентября 3 японскихъ батареи крупнаго калибра въ лощинѣ за Угловой горой, четыре скорострѣльных пушки съ Угловой, да 5—7 орудій крупнаго же калибра съ Промежуточнаго хребта у кумирни, невидимыя нашими батареями, начали дробить окопы Длинной горы снарядами фугаснаго дѣйствія, а съ Угловой—шрапнелью. Къ 2 ч. дня отъ нашей 9-й роты въ 155 чел. осталось только 48 ч., между которыми было много раненыхъ и почти всѣ былишиблены камнями и придавлены землей. Окопъ былъ переполненъ трупами.

На просьбу шт.-ротм. Сиротко занять лѣвѣе его лежащій ложементъ, капитанъ Москвинъ прислалъ 50 человекъ 4-го запаснаго

баталіона, которые сбившись съ пути, заняли ходъ сообщенія возлѣ окопа 9-й роты, а не указанную траншею, но моментально разбѣжались, когда къ нимъ упало нѣсколько бомбъ. Затѣмъ непріятельская артилерія затихла, но съ праваго фланга послышалась стрѣльба (онъ былъ занятъ японцами), а съ Мертвой сопки шли цѣлыя колонны и одна изъ нихъ пошла въ обходъ 9-й роты.

Въ верхнихъ окопахъ за собой шт.-ротм. Сиротко уже не видѣлъ ни одного человѣка нашихъ—всѣ отступили. Тогда этотъ доблестный офицеръ остаткамъ роты и кондуктору Мельникову съ 30 матросами приказалъ выходить изъ окоповъ. Въ это время на Длинной горѣ не было ни одного нижняго чина, кромѣ оставшихся въ блиндажахъ. Въ окопахъ 12-й роты 13-го полка остался часовой и унтеръ-офицеръ, забытые ротой и не знавшіе, что ихъ рота отступила.

Плоская гора была покрыта отдѣльно отступавшими людьми.

Шт.-ротм. Сиротко съ остатками роты открылъ огонь по появившимся на вершинѣ японцамъ, чѣмъ заставилъ ихъ спрятаться за сопку и далъ возможность всѣмъ оставшимся въ живыхъ отступить спокойно на Плоскую гору.

Первый штурмъ Высокой горы.

Одновременно съ Длинной горой японцы начали канонаду и по Высокой. Я думалъ, что они атакуютъ ее прежде Длинной, но вышло не такъ. Нужно сказать, что укрѣпленія Высокой горы къ этому времени были настолько сильны, что 6' бомбы ихъ разрушали съ трудомъ и сильная бомбардировка этого калибра снарядами не могла дать быстрыхъ успѣховъ, поэтому штурмъ Высокой и долженъ былъ нѣсколько запоздать сравнительно съ Длинной, укрѣпленной ничтожными окопами. Разметать ихъ японцамъ ничего не стоило.

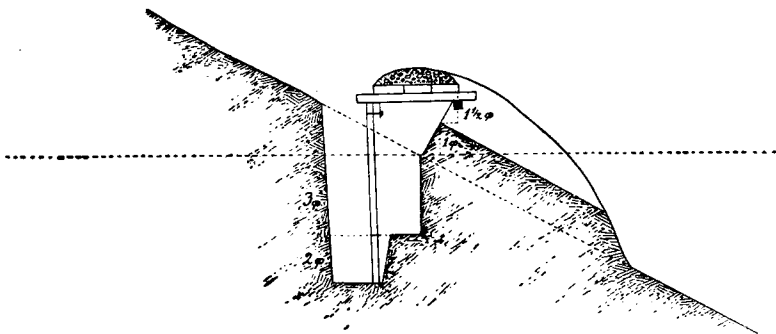
Еще съ 23-го августа съ 3 ч. пополудни непріятельская батарея, расположенная въ квадратѣ 295 буква Н начала усиленно обстрѣливать Высокую гору, а 24-го августа было усмотрѣно, что непріятель ночью съ 23-го на 24-е августа поставилъ укрыто за Угловой горой два орудія, изъ которыхъ сталъ обстрѣливать стрѣлковые окопы Высокой горы, (профиль окоповъ см. чертежъ № 5). Съ 25-го августа было замѣтно, что непріятельскія силы съ каждымъ днемъ увеличиваются за Сѣдловой и Угловой горами, и къ 1-го сентября тамъ скопилось уже до одной бригады пѣхоты съ однимъ эскадронѣмъ кавалеріи, и съ этого же числа непріятель

сталь усиленно окапываться на Соединительномъ кряжѣ и его отрогахъ.

6-го сентября съ разсвѣтомъ двѣ непріятельскихъ роты атаковали наши сторожевые посты на предгорьяхъ Высокой и, занявъ ихъ, стали окапываться. Нашъ артилерійскій и ружейный огонь не разъ заставлялъ непріятеля останавливать его работы и скрываться за возвышенностями, но въ концѣ концовъ онъ все-таки утвердился на запятыхъ имъ мѣстахъ и началъ осыпать Высокую гору ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ.

Изъ этого можно было заключить, что онъ рѣшилъ ее штурмовать. Поэтому на просьбу коменданта горы капитана Стемпневскаго 1-го о помощи, я отвѣтилъ посылкой ему 1-й роты 28-го

Черт. № 5.

Профиль окопа на крутомъ скатѣ, разрѣзъ черезъ амбразуру. Козырекъ изъ дюймовыхъ досокъ не больше 4 фут. длинны; стойки и перекладины изъ тѣхъ же досокъ.

полка подъ командой подпоручика Протасевича, который прибылъ на гору въ 6 ч. вечера, 11-й роты 27-го полка подъ командой шт.-кап. Чурбанова и 7-й роты того же полка подъ командой капитана Желткевича, прибывшаго на гору въ 8 ч. вечера. Всего къ вечеру 6-го сентября на горѣ скопилось 480 штыковъ, 50 артилеристовъ, 2 минера, 6 телеграфистовъ и 6 моряковъ при двухъ 37-мм. орудіяхъ.

Орудій исправныхъ было: два 6" 120 пудовыхъ, два батарейныхъ и два скорострѣльныхъ на перевалѣ между Высокой и Плоской, два 37-мм., 4 пулемета и одинъ минный аппаратъ для бросанія минъ съ пироксилиномъ.

Около 5 ч. вечера 6-го сентября минный аппаратъ былъ разбитъ непріятельскимъ снарядомъ; тогда же и той же участи подверглись: одно 6" орудіе, одно батарейное и два пулемета.

По прибытіи ротъ комендантъ поставилъ ихъ такъ: 1-ю роту 28-го полка и половину 11-й роты 27-го полка въ окопы для сгущенія людей на правомъ флангѣ, остальные поставлены въ резервъ.

Тыловая дорога на Высокой горѣ которую въ нашей литературѣ называютъ высотой въ 203 метра.

Въ 8¹/₂ ч. вечера было замѣчено наступленіе непріятеля на лѣвый флангъ; поэтому комендантъ занялъ полуротой 11-й роты 27-го полка окопы изъ камня, расположенные на самой вершинѣ горы,

для того, чтобы сбивать японцевъ тогда, когда они вскочатъ на крыши блиндажей главной траншеи. Тогда редуты на вершинахъ Высокой еще не было. 7-я рота 27-го полка была поставлена въ резервъ за полуротой 11-й роты.

Непріятель съ Сѣдовой горы ни на минуту не прекращалъ ружейнаго и пулеметнаго огня по нашимъ траншеямъ. Въ 10 ч. ночи начались атаки непріятеля. Онъ наступалъ густыми колоннами. Наши стрѣлки и артиллеристы съ сосѣднихъ батарей и окоповъ уничтожали атакующихъ страшнымъ образомъ, но японцы не останавливались и дошли до проволочныхъ сѣтей, прорѣзали ихъ въ двухъ мѣстахъ, но продвинуться дальше не могли, такъ какъ залпы нашихъ стрѣлковъ укладывали ихъ сотнями. Сильно помогала уничтоженію непріятеля наша 8-я рота, занимавшая Фальшивую гору и дѣйствовавшая во флангъ атакующихъ. Нѣсколько человекъ японцевъ успѣли таки вскочить на траверсъ нашихъ окоповъ, но тутъ же были уничтожены ручными бомбочками. Всю ночь непріятель то атаковалъ гору пѣхотой, то засыпалъ ее всевозможными снарядами, но къ 9 ч. утра отступилъ въ овраги и лощины Соединительнаго хребта. За эти атаки, т. е. съ 7 ч. вечера 6-го сентября и до 9 ч. утра 7-го сентября японцы потеряли болѣе полуторы тысячи человекъ однихъ убитыхъ. Въ 7 ч. утра 7-го сентября непріятельская артилерія начала громить гору всевозможными снарядами, а къ 10 ч. артилерійскій огонь непріятеля былъ весь перенесенъ на Длинную гору и начались атаки этой горы, которая была къ 2 ч. дня взята японцами, о чемъ мною рассказано выше. Въ 4 ч. дня того-же числа, т. е. 7-го сентября, непріятель опять перенесъ весь огонь на Высокую, а непріятельская пѣхота начала стягиваться къ предгорьямъ Соединительнаго кряжа.

Эти войска собирались для смѣны тѣмъ, которыя атаковали гору 6-го. Нѣсколько разъ подъ-рядъ непріятель атаковалъ Высокую гору ночью, и каждый разъ былъ отбиваемъ съ очень большимъ урономъ; отбитіемъ ночныхъ штурмовъ мы всецѣло обязаны ракетамъ. Но взводъ японцевъ все-таки засѣлъ въ наши траншеи и занялъ одинъ большой блиндажъ и одинъ малый, гдѣ стоялъ нашъ пулеметъ. Это мѣсто было занято не все, такъ какъ 7-я рота 27-го полка, стоявшая здѣсь, почему-то приняла вправо къ нашей 2-й ротѣ.

Извѣстіе объ этомъ на разсвѣтъ 8-го сентября пришло мнѣ на Плоскую гору, гдѣ только что начали работы по ея укрѣпленію и откуда я наблюдалъ за ходомъ дѣлъ на Высокой. Это угрожающее

извѣстiе заставило меня возвратиться въ штабъ, гдѣ былъ и полковникъ Ирманъ, который уже послалъ на Высокую, по требованiю коменданта, одну роту изъ резерва (нашу 6-ю).

Фальшивая гора съ траншеями ея праваго фланга, обращенными на Высокую гору. Вдали хребетъ Ляогешань. Внизу провололочная сѣть около Высокой. Фотографiя эта снята съ Высокой горы.

Гарнизонъ горы, кунно съ этой ротой, произвелъ коптръ-атаку, отнялъ отъ японцевъ большую часть занятой ими полуразрушенной траншеи, но небольшая часть японцевъ осталась въ двухъ блиндажахъ и не была оттуда выбита; поэтому часть траншеи

между этими блиндажами также осталась въ ихъ рукахъ, и къ несчастью та именно часть, впереди которой и было пространство, ниоткуда съ нашихъ позицій не обстрѣливаемое. Поэтому японцы имѣли свободное и безопасное сообщеніе съ засѣвшими въ нашу траншею. Такого рода сосѣдство для насъ не было новостью, но опасность его мною хорошо сознавалась.

Чтобы не дать возможности японцамъ распространяться по траншеѣ, съ обѣихъ сторонъ занятой ими части была поставлена наша 6-я рота. Японцы нѣсколько разъ пытались влѣзть на самую вершину горы, но оттуда всякій разъ были сбиваемы. Наконецъ, комендантъ поставилъ туда часть 6-й роты, и эти молодцы, ставши открыто подъ шрапнелью, весь день не давали непріятелю овладѣть вершиной. Этотъ бой происходилъ передъ глазами всего штаба, и всѣ были буквально поражены такой необычайной стойкостью.

На слѣдующую ночь вершина горы, по моему приказанію, была увѣнчана легкими окопами, а въ ночь на 8-е число окопы были соединены съ батареей на правомъ флангѣ горы, и этимъ мы твердо сѣли на вершинѣ. Нѣсколько яростныхъ атакъ непріятеля было отбито съ успѣхомъ, несмотря на то, что первая атака была сдѣлана японцами прежде усовершенствованія окоповъ на вершинѣ, когда наши люди стояли на нихъ подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ совершенно открыто. Они должны были стоять потому, что сидя не было видно атакуемаго ската. Положеніе горы было страшно тяжелое. Люди такъ ужасно избивались градомъ артиллерійскихъ снарядовъ, сыпавшихся на гору безъ всякаго перерыва, что роты таяли по минутамъ. Сплошной потокъ раненыхъ не прекращался и ночью. Въ виду такого положенія, полковникъ Ирманъ просилъ помощи изъ общаго резерва, такъ какъ наши резервы были ничтожны.

Опасность грозила и другимъ сосѣднимъ съ Высокой горой, особенно лѣвому флангу Плоской, гдѣ было большое мертвое пространство подъ самыми траншеями лѣваго фланга.

Съ Плоской горы, гдѣ я былъ рано утромъ 7-го сентября, я видѣлъ слѣдующее: на тыльной сторонѣ Высокой горы, несмотря на рвущіяся тамъ бомбы, все было спокойно, какъ будто бы и опасности для гарнизона не было никакой. Въ траншеяхъ, которыя можно было видѣть, роты стояли также спокойно, несмотря на

дождь сыпавшихся на нихъ снарядовъ. Сами, занятые нами, траншеи были повреждены очень мало.

Слава Богу, далеко не всѣ снаряды пробивали крыши блиндажей. Обрушившимся, и то не совсѣмъ, оказался одинъ блиндажъ на правомъ флангѣ горы, противъ Угловой. Японцевъ ниоткуда не было видно ни одного человѣка. Удивительно осторожный народъ. Но трескъ ружейной перестрѣлки не умолкалъ ни на секунду. Стрѣляли японцы изъ окружающихъ гору окоповъ, больше съ Сѣдловой. Глухія удары непріятельскихъ бомбъ могли только оглушать людей подъ блиндажами; цѣлый дождь снарядовъ сыпался и въ тылъ горы на дорогу, идущую вдоль вершины. Небольшія части резервовъ сидѣли, плотно прижавшись къ кругости этой дороги.

Итакъ, какъ будто бы наши дѣла были и не дурны. Но занятая японцами часть нашихъ траншей не давала мнѣ покоя. Я по опыту уже зналъ, что эта была солидная угроза обладанію горой и значить жизни нашему флоту. Полковникъ Ирманъ, если память мнѣ не измѣняетъ, осмотрѣлъ Высокую со стороны Фальшивой горы. Ни откуда живого непріятеля не было видно, но за то мертвыхъ съ Плоской и Фальшивой горъ были видны цѣлыя груды. У подошвы Высокой, въ оврагѣ, ихъ были сотни, если не тысячи.

Черезъ полчаса наблюденій вернулся въ штабъ. Здѣсь все было также совершенно спокойно, какъ будто бы никакая опасность крѣпости и не грозила. А надвигалась зловѣщая туча надъ нашимъ благополучіемъ.

Получилъ извѣстіе съ Дивизионной горы, что большія массы японской пѣхоты двигаются къ предгорьямъ Угловыхъ горъ.

Необходимо было выбить японцевъ изъ нашей траншеи на Высокой горѣ. У меня явилась мысль, по примѣру фортотъ, скатить на японцевъ большую морскую мину. Генералы Ирманъ и Кондратенко одобрили эту мысль. Немедля вытребовали лейтенанта Подгурскаго, спеціалиста по этой части. Это было уже поздно вечеромъ. Онъ обѣщаль утромъ пріѣхать съ минами; но, не надѣясь на успѣхъ большихъ минъ, я просилъ его привезти малыхъ (отъ 6 до 10 фунтовъ), и, чтобы уничтожить засѣвшихъ въ блиндажахъ японцевъ, мы рѣшили атаковать ихъ этими бомбами.

Потеря наша за эти два дня (6 и 7 сентября) слѣдующая: во 2-й ротѣ изъ 141 челов. осталось съ ранеными и контуженными 83 чел., въ 4-й ротѣ изъ 167 осталось 48, въ 11-й ротѣ 27-го полка изъ 140 чел. осталось 96, въ 7-й ротѣ 27-го полка выбыла половина состава, то же и въ 1-й ротѣ 28-го полка. За это время были убиты: 7-го сентября командиръ 7-й роты 27-го полка шт.-к. Желткевичъ, командующій 1-й ротой 28-го полка, подпоручикъ Протасевичъ, младшій офицеръ 1-й роты 28-го полка прапорщикъ запаса Діантронговъ.

Не хорошо, что нашъ батюшка, отецъ Василій Слюнинъ, вздумалъ хоронить убитыхъ на самой дорогѣ съ Высокой въ штабъ и убитые герои лежали длинными рядами возлѣ самой дороги. На проходившихъ мимо это должно было производить непріятное впечатлѣніе.

Ночь съ 7-го на 8-е сентября. Пользуясь затишьемъ, послалъ другую роту резерва съ инструментомъ и мѣшками для работъ на Высокую; необходимо было усилить наши окопы на вершинѣ горы мѣшками. Утромъ эта рота должна была вернуться съ горы, такъ какъ она была нашъ послѣдній резервъ. Насколько помню, въ эту же ночь съ 7-го на 8-е сентября прибыли двѣ роты 27-го полка, которыя мы просили у генерала Кондратенко для усиленія работъ на Плоской горѣ. Онѣ были посланы туда съ инструментомъ и съ тѣхъ поръ остались тамъ до конца осады.

Я очень усталъ за этотъ день и, когда явилась возможность, какъ снопъ свалился и заснулъ. Вслѣдствіе обширности моего отдѣла, въ это горячее время мнѣ и полковнику Ирману приходилось сильно уставать физически.

8-го сентября съ утра непріятель особенно усилилъ канонаду по Высокой. Изъ оконъ штаба гора была видна, какъ на ладони. И вотъ, наблюдая за ней, я ясно увидалъ японскій флагъ надъ лѣвымъ блиндажемъ, бросился къ телефону, спрашиваю, что это значитъ. На это комендантъ мнѣ отвѣчаетъ, что ничего не знаетъ о флагѣ и на горѣ все въ порядкѣ. Японцы въ своей траншеѣ сидятъ смирно.

Приказалъ снять этотъ флагъ и черезъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что онъ исчезъ. Какой-то японецъ ночью водрузилъ его на крышѣ нашего собственнаго блиндажа. Какъ онъ это сдѣлалъ, никто не замѣтилъ. Въ это утро Высокая гора и прилегающая къ ней часть Плоской сильно обстрѣливались тяжелой

японской артилеріей, и мы ожидали рѣшительнаго штурма, тѣмъ болѣе, что замѣтили большое скопленіе непріятеля подъ самой Высокой горой. Съ Ляотешаня телефонировали, что сила японцевъ сидитъ у самой подошвы Высокой въ большомъ и плоскомъ оврагѣ.

Отъ насъ ихъ ниоткуда обнаружить было нельзя, но было ясно, что это резервъ, пододвинутый для рѣшительной атаки Высокой горы. Тотчасъ попросили помощи, и она къ намъ прибыла въ колпчествѣ двухъ ротъ. Я послалъ ихъ ближе къ Высокой, чтобы не опоздать. А гуль канонады усиленно ревлѣ надъ Высокой горой.

Прибыль Подгурскій съ минами и отправился на гору. Японцы видимо хотѣли прежде уничтожить все живое на горѣ и тогда уже атаковать ее. Однимъ словомъ, они медлили. Мы ждали штурма каждую секунду и были всѣ на мѣстахъ.

Узпалъ горестныя событія. Подпоручикъ Протасевичъ при попыткѣ штурмомъ взять занятую японцами траншею, былъ убитъ на-поваль, и атака не удалась; при этомъ 1-я рота 28-го полка потерпѣла большую убыль, но держала себя отлично. Сильно пожалѣлъ я молодца-офицера. Запасъ такихъ быстро приходитъ къ концу.

«Ну, если бомбы Подгурскаго ничего не сдѣлаютъ, то я не знаю, что дѣлать дальше. Дай Богъ, только удержать наши позиціи, а потомъ уже будетъ время и для рѣшенія этого труднаго вопроса», — такъ думалъ я. Но вотъ канонада прекратилась; значить сейчасъ штурмъ. Резервнымъ ротамъ приказалъ двинуться къ самой подошвѣ Высокой, а полковникъ Ирманъ донесъ объ этомъ генералу Кондратенко и просилъ подкрѣпленій роты въ двѣ.

Я съ полковникомъ Ирманомъ поѣхали на Плоскую гору для ближайшихъ наблюденій за позиціями и Высокой горой, но не смотря на то, что штурмъ былъ въ разгарѣ, мы не видѣли ни одного японца; видимо они штурмовали по узкой полосѣ ската Высокой, не видной ниоткуда съ нашихъ позицій. Значить штурмовали небольшими частями.

Ружейная пальба по Высокой съ сосѣднихъ горъ, занятыхъ японцами, была страшная. Пули жужжали по всѣмъ направленіямъ, даже далеко въ тылу на открытомъ мѣстѣ стоять было опасно и одна изъ моихъ лошадей, въ самомъ, повидимому, без-

опасномъ мѣстѣ, была ранена въ заднюю ногу. Но вотъ на Высокую поползла одна изъ резервныхъ ротъ; черезъ часъ приблизительно то же сдѣлала и другая. Нужно было хлопотать о дальнѣйшихъ подкрѣпленіяхъ. Съ горы все продолжала течь рѣка раненыхъ. Въ это время послышалась усиленная перестрѣлка и на Дивизионной горѣ, а поддержать эту гору у меня было некъмъ; въ случаѣ, еслибы и тамъ непріятель вздумалъ пойти въ атаку, мы очутились бы въ тяжеломъ положеніи. Съ трепетомъ прислушиваемся къ ружейной трескотнѣ на Дивизионной.

Вотъ начали палить маленькія пушки мичмана Дудкина. По телефону никакихъ свѣдѣній не передаютъ. Мучительное состояніе. Если японцы возьмутъ Дивизионную, то сообщеніе съ Высокой, Плоской и Фальшивой будетъ ужасно трудное. Утѣшаемъ себя предположеніемъ, что 4-й фортъ не дастъ японцамъ сѣсть себѣ на самый носъ. На Дивизионную послалъ охотника узнать, въ чемъ дѣло. Тылъ Высокой былъ намъ виденъ очень хорошо; что дѣлалъ каждый солдатъ, мы видѣли совершенно ясно; мы видѣли, какъ вошедшія на гору роты змѣйками пошли въ разныя стороны къ траншеямъ и скрылись въ нихъ, какъ люди по одиночкѣ сбѣгали къ блиндажу коменданта, какъ они опять карабкались на вершину, какъ носили раненыхъ съ вершины къ перевязочному пункту; однимъ словомъ, жизнь горы была вполнѣ доступна нашему наблюденію.

Долго никакихъ сообщеній намъ не было, но наконецъ пришло извѣстіе съ Высокой: три штурма отбиты съ громаднымъ урономъ для непріятеля, но комендантъ увѣренъ, что штурмы будутъ продолжаться и нужны еще подкрѣпленія и большія. Доносилъ также, что мины скатить на японцевъ не могли и что положеніе на горѣ страшно трудное; людей остается мало, а офицеровъ совсѣмъ нѣтъ.

Вскорѣ за этимъ извѣстіемъ пришелъ съ горы лейтенантъ Подгурскій съ моряками (мы тогда уже вернулись въ штабъ), общалъ завтра придти съ маленькими ручными бомбами, фунтовъ по 6 и 10.

Подгурскій сообщилъ и грустную новость, что если не послать на Высокую хоть одну роту, то она будетъ взята, такъ какъ люди изнурены и физически, и нравственно. Къ счастью подошла рота и я ее, немедля, направилъ на гору, а полковникъ Ирманъ послалъ отчаянную просьбу о присылкѣ еще двухъ ротъ. Какъ мы узнали

потомъ, видъ идущей на помощь роты благотворно подѣйствоваль на коменданта, офицеровъ и людей.

Положеніе было до того опасно, что одинъ изъ артилерійскихъ офицеровъ предложилъ оставить гору, такъ какъ отстоять ее терялась всякая надежда. Но капитанъ Стемпневскій первый заявилъ, что пусть всѣ уходятъ, если желаютъ, а онъ съ ротой останется на горѣ. Его поддержали штабсъ-капитанъ Аландеръ, заявившій что если 2-я рота не уйдетъ, то 4-я также останется. Въ это время двигавшаяся на помощь рота была замѣчена; всѣ крикнули «ура», и геройская оборона продолжалась. Съ Дивизионной донесли, что непріятель занялъ передъ горой позицію и открылъ страшный ружейный огонь, ему отвѣчаютъ тѣмъ же, что резервовъ не видно, и что это, вѣроятно, демонстрація, — оно такъ и было.

Непріятель, атакуя Высокую, не ограничился ни откуда не обстрѣливаемой полоской и показался было и на сѣверной отлогости горы, но оттуда былъ сметенъ огнемъ съ Плоской и изъ уцѣлѣвшихъ траншей на самой Высокой. Больше онъ тутъ и не показывался.

Подъ вечеръ 8 сентября пришли двѣ роты 14-го полка; однимъ изъ командировъ ротъ былъ извѣстный у насъ по своей удали штабсъ-капитанъ Ясевичъ. Давши ему нужныя указанія, я выразилъ надежду, что его рота выбьетъ японцевъ изъ занятой ими траншеи и гора будетъ наша. Комендантъ горы, усилившись ротами, долженъ былъ организовать контръ-атаку, и я былъ увѣренъ, что ночью мы выгонимъ японцевъ съ горы. Роты 14-го полка ушли на гору. Капитанъ Стемпневскій 1-й, во время затишья испросивши разрѣшеніе на отдыхъ (онъ былъ страшно измученъ и физически, и нравственно), прибылъ подъ вечеръ 8-го въ штабъ. Съ нимъ вмѣстѣ я смѣнилъ 2-ю и 4-ю роты 5-го полка и 1-ю роту 27-го полка, которыя были также страшно измучены 3-хъ дневнымъ непрерывнымъ боемъ и понесли страшныя потери.

Мы съ полковникомъ Ирманомъ встрѣтили геройскія роты съ большой помпой и похвалами. Люди были бодры, но цвѣта кожи на лицахъ, вслѣдствіе толстаго слоя пыли, видѣть было нельзя.

Вмѣсто смѣненныхъ, на гору были мною посланы 2-я рота 13-го полка и 4-я рота 28-го полка. Комендантомъ вмѣсто Стемпневскаго 1-го былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Сычевъ.

Наступила ночь. Все повидимому было спокойно; изрѣдка непріятель посылалъ крупные снаряды на Высокую; изрѣдка началась ружейная пальба, но скоро прекращалась; изрѣдка пускавшіяся съ горы свѣтящіяся ракеты чуднымъ огнемъ освѣщали мѣсто расположенія непріятеля, и въ моментъ этого освѣщенія раздавались съ нашихъ горъ выстрѣлы тяжелыхъ орудій, а стрѣлки открывали огонь по японцамъ, застигнутымъ свѣтомъ, на открытыхъ мѣстахъ.

Полковникъ Ирманъ, я, поручикъ Костюшко и штабсъ-капитанъ Баумъ сидѣли въ штабѣ и раздумывали, что дѣлать съ японцами, засѣвшими въ нашихъ траншеяхъ на Высокой. Намъ казалось, что безъ толковой организаціи большой контръ-атаки днемъ намъ не обойтись. Ночью этой контръ-атаки было дѣлать нельзя, такъ какъ непріятель по нашимъ пятамъ могъ: поднять на гору большіе резервы и задавивъ насъ численностью, на нашихъ плечахъ забраться на вершины и совершенно прогнать насъ съ горы.

Въ виду необходимости рѣшительныхъ дѣйствій на Высокой, туда пошелъ уже нѣсколько отдохнувшій капитанъ Стемпневскій 1-й и 20 человекъ вызвавшихся охотниками изъ отдохавшихъ 2-й и 4-й роты моего полка. Капитанъ Стемпневскій, какъ подробно знавшій Высокую гору, долженъ былъ помочь новому коменданту штабсъ-капитану Сычеву организовать атаку на засѣвшихъ въ блиндажахъ японцевъ.

Въ виду важности обстоятельствъ для организаціи и производства контръ-атаки я долженъ былъ самъ идти на гору. Попросили еще двѣ роты у генерала Кондратенко и на томъ порѣшили. Но генералъ Кондратенко отказалъ въ помощи и предложилъ обойтись своими средствами. Поэтому нужно было утромъ посмотреть, откуда можно было бы снять нужныя мнѣ двѣ роты.

Въ это время приносятъ въ штабъ носилки съ офицеромъ и — о ужасъ! это былъ наша надежда штабсъ-капитанъ Ясевичъ, раненый въ грудь на вылетъ. Бросились къ нему, спрашиваемъ, куда раненъ, онъ рукой показываетъ на правую сторону груди. Но вотъ слабымъ голосомъ началъ говорить: «ничего, кажется, выживу; на горѣ ничего... защищаться еще можно... съ успѣхомъ... но людямъ нужно отдохнуть... не спать, йзнурились, а меня пусть несутъ въ госпиталь». Ободривши нашего героя увѣреніями, что рана не опасна, мы рѣшили истребовать во что бы то ни стало людей для

перемѣны гарнизона горы, но... мы знали, что эта перемѣна почти невозможна, людей не было, въ центрѣ были также большія дѣла и тамъ резервы были, можетъ быть, нужнѣе, чѣмъ у насъ. Недавно генераль Кондратенко не ѣдетъ къ намъ.

Штабсъ-капитанъ Ясевичъ былъ раненъ, когда во главѣ своей роты бросился на занятую японцами траншею. Люди, встрѣченные сильнымъ огнемъ и увидѣвшіе, что командиръ упалъ, схватили его на руки и бросились назадъ. Какъ важно для успѣха дѣла, чтобы рота любила своего командира. Съ нимъ она сдѣлаетъ все, что отъ нея требуютъ.

Рано утромъ 9-го прерванная канонада и потокъ раненыхъ съ Высокой горы продолжались. Резервы не прибыли. Но получилось извѣстіе, что непріятель въ громаднѣхъ силахъ собрался подъ Высокой горой. Можно сказать, что мы были безоружны, такъ какъ резервовъ не было ни одного человѣка.

Но вотъ получилось приказаніе генерала Смирнова— «немедля послать въ тылъ японцамъ, собравшимся подъ Высокой горой, два скорострѣльныхъ орудія». Полковникъ Ирманъ, полковникъ Романовскій, капитанъ Гобято и другіе артиллеристы долго совѣщались, откуда взять эти орудія. Наконецъ рѣшили по телефону приказать поручику Ясинскому съ Ляотешанскихъ позицій выдвинуться по гаоляну въ тылъ японцамъ. Приказаніе было передано по телефону на Ляотешанскія позиціи и полковникъ Ирманъ поѣхалъ туда же, оставивши меня у телефона. Не прошло и двухъ часовъ съ момента его отъѣзда, какъ кто то увидѣлъ, что онъ скачетъ къ штабу во весь опоръ. Мы выбѣжали навстрѣчу. «Побѣда. Побѣда»— кричитъ нашъ полковникъ, подсакивая къ крыльцу. Мы приступили къ нему съ распрсами.

Японцы изъ подъ Высокой бѣгутъ и изъ сосѣднихъ траншей также,—говорить онъ, соскакивая съ лошади. Поручикъ Ясинскій, какъ началъ жарить въ самую середину кучи, такъ въ минуту уложилъ ихъ половину, въ другую минуту другую половину, почти стилизъ изрядно. Всѣ разбѣжались, какъ куропатки, и теперь даже ихъ траншеи на Сѣдловой опустѣли.

Мы были въ восторгѣ; такой радости я, кажется, еще никогда и не испытывалъ.

Нѣсколько позже пришелъ лейтенантъ Подгурскій съ маленькими 6 и 10 фунтовыми бомбочками. Но резервовъ не было и откуда нельзя было снять людей, т. к. непріятель былъ передъ всѣми горами.

Подгурскій пошелъ на Высокую. Тамъ теперъ было все спокойно и даже не было стрѣльбы. А я ждалъ двухъ ротъ, чтобы идти выбивать японцевъ: какъ то не надѣялся я на успѣхъ ручныхъ бомбочекъ. Мнѣ казалось, что у [тѣхъ, кто будетъ бросать ихъ, духу не хватитъ подойти поближе къ занятымъ траншеямъ.

Не прошло, мнѣ показалось, и часу послѣ ухода Подгурскаго, какъ на Высокой раздалось нѣсколько страшныхъ взрывовъ, за ними нѣсколько десятковъ болѣе слабыхъ, затѣмъ ружейная трескотня. Съ горы по телефону кричатъ «Ура».. Японцы выбиты бомбами и всѣ перестрѣляны изъ винтовокъ, когда бѣжали внизъ. Всѣ просіяли, и вздохъ облегченія былъ отвѣтомъ на радостное извѣстіе. Объ этой радости немедля донесли генер. Кондратенко.

Это славное дѣло произошло на Высокой слѣдующимъ образомъ. Лейтенантъ Подгурскій, придя туда, вмѣстѣ съ комендантомъ Сычевымъ, капитаномъ Стемпневскимъ и шт.-кап. Краморенко—главнымъ инициаторомъ атаки, составили такой планъ: вызвать охотниковъ изъ нижнихъ чиновъ и изъ офицеровъ выбивать японцевъ бомбами, раздѣлить ихъ на двѣ части и по сигналу ракетой одной начать дѣйствія съ одного фланга траншеи, а другой съ другого; съ одной частью долженъ былъ пойти самъ лейт. Подгурскій. Такъ и сдѣлали. Въ тишинѣ, отряды съ бомбами подошли на свои мѣста; потомъ лейт. Подгурскій съ тремя охотниками: 4-й роты 5-го полка стрѣлками Труфановымъ и Буторинымъ и морякомъ Фоминичемъ подползли къ непріятельскимъ траншеямъ; зажгли фитили, но до непріятели еще было большое пространство, а ползти дальше было опасно. Рѣшили бросить... Первымъ бросилъ бомбу матросъ Фоминичъ, но неудачно. Непріятель на это не обратилъ никакого вниманія. Вслѣдствіе того, что сигналъ былъ не понятъ другимъ отрядомъ бомбъ больше не бросали. Тогда лейт. Подгурскій, видя, что мѣсто для бросанія было неудобное, ползкомъ перешелъ на другой флангъ къ отряду ш.-кап. Крамаренко. Тутъ имъ удалось подползти къ блиндажамъ очень близко. Первую бомбу бросилъ лейт. Подгурскій, но немного не добросилъ.

«Позвольте, ваше благородіе, мнѣ, обратился къ лейт. Подгурскому матросъ Фоминичъ и 10-фунтовая бомба, брошенная сильной и ловкой рукой, попала прямо во входъ блиндажа. Раздался оглу-

шительный трескъ и гигантскій столбъ дыма вмѣстѣ съ обломками досокъ, бревень, желѣзныхъ листовъ и разорванными частями человѣческихъ тѣлъ высоко поднялся въ воздухъ. Тутъ пошли бросать бомбы и всѣ остальные охотники, уже выѣжавшіе прямо на открытое мѣсто. Со страшнымъ грохотомъ разлетались и блиндажи и разорванные на части люди. Комки земли, обломки бревень, досокъ и куски разорванныхъ человѣческихъ тѣлъ совершенно засыпали удалую команду. Оставшіеся въ живыхъ японцы бросились изъ траншеи подъ гору, но всѣ были перебиты изъ винтовокъ командой шт.-кап. Крамаренко. Дѣло было совершено въ двѣ минуты.

Честь и хвала героямъ Подгурскому и Крамаренко. Это событіе совершилось 19-го сентября. Радости нашей не было границъ. А японцы были буквально ошеломлены.

Безуспѣшныя, но бѣшенныя атаки ихъ стоили имъ цѣлыхъ тысячъ людей, которые своими трупами устлали всѣ склоны Высокой горы и засыпали всѣ прилегающіе къ ней овраги.

Нами на другой день были собраны кучи оружія и шанцеваго инструмента. Мы свободно ходили и по Высокой горѣ, и по ближайшимъ ея окрестностямъ и не слышали ни одного японскаго выстрѣла. Артилерія непріятеля также замолчала и, будь у насъ одной дивизіей больше, мы могли бы занять всѣ наши старыя позиціи. Японцы ихъ бросили.

Для уборки тѣлъ съ Высокой горы были посланы партіи китайцевъ, которые копали на мѣстѣ ямы и въ нихъ зарывали убитыхъ. Нашихъ предали землѣ близъ штаба полка. Долго имъ до этого пришлось лежать въ траншеяхъ Высокой вмѣстѣ съ живыми защитниками.

Царство небесное! вамъ, славные воины! Ваша смерть родитъ въ русской землѣ тысячи такихъ же героевъ, какими были вы!

Въ моихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ журнала, необходимо сдѣлать слѣдующія исправленія:

На страницѣ 74-й вмѣсто 1-й охотничьей команды нужно поставить 2-ю. На той же страницѣ сказано, что въ резервѣ у меня осталось $\frac{1}{2}$ роты 9-й роты; это невѣрно: ее въ резервѣ не было, а она была мною отправлена ночью 12-го числа въ промежутокъ между 2-й ротой и 1-й охотничьей командой.

На страницѣ 77-й я опять упоминаю, что полурота 9-й роты была у меня въ резервѣ. На самомъ дѣлѣ она уже была мною послана въ указанное выше мѣсто, такъ какъ ночью 12-го я ожидалъ атакъ 2-й роты, по полотну желѣзной дороги.

На страницѣ 79-й я говорю, что для усиленія 5-й роты я послалъ $\frac{1}{2}$ 9-й роты но я, въ дѣйствительности, послалъ не 9-ю роту, а полуроту или даже взводъ 11-й роты.

Н. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

